

Филадельфия. 2001 год

Тем летом эмбол притаился в своем убежище за правым коленом миссис Чунчжи Мун. Этот маленький сгусток не причинял боли и никак не давал о себе знать. Колеблемый стремительным потоком крови, он не двигался с места, пока миссис Мун часами готовила свое прославленное кимчхи, и на него ничуть не влияли ее усердные старания улучшить свою технику владения клюшкой для гольфа. Красный комочек был невосприимчив даже к изредка случавшимся у нее приступам тоски по дому, когда она, чтобы заглушить рыдания, включала душ и оплакивала остров Чеджудó, с которого бежала зимой 1948 года.

29 августа 2001 года в 18 часов 47 минут правую ногу миссис Мун пронзила острая боль. Не забыла ли она размяться после урока гольфа? Женщина позвала мужа, доктора Муна, который смотрел в гостиной обучающее видео и практиковался в выполнении ударов по мячу:

— Пора ужинать, *йобо*¹!

Миссис Мун наклонилась и потерла икру, которая как будто чуть припухла. Доктор Мун

¹ Здесь и далее корейские слова см. в «Глоссарии корейских слов, встречающихся в тексте», который помещен в конце книги. — *Прим. перев.*

отправил мячик в чашку, имитирующую лунку, и пробормотал «угу».

Семья, состоявшая из четырех человек, села за стол и вознесла христианскую благодарственную молитву за пищу. Пока разворачивали салфетки и готовили палочки для еды, миссис Мун собиралась с мыслями, чтобы обратиться к приехавшим погостить дочерям: Хане, чье имя, как уверяла акушерка в родильной палате, звучало вполне по-американски, и Окчже, которую называли в честь прабабушки.

Обеим дочерям необходимо срочно найти себе мужей и родить ей внучат, желательно мальчиков. Миссис Мун — столп корейско-американской общины Филадельфии — желала планировать свадьбы и столетние юбилеи, а не церковные обеды и матчи по гольфу. Больше всего на свете ей хотелось положить конец вежливым расспросам о дочерях — без сомнения, умных и привлекательных, однако в свои не юные уже годы, сорок и тридцать семь лет, до сих пор остававшихся старыми девами.

Миссис Мун откашлялась, намереваясь взять слово. Одновременно крохотный стукоток оторвался, очутился в красных стремнинах кровотока и после недолгого захватывающего путешествия попал в вязкую трясину верхней доли левого легкого. Миссис Мун ошибочно приняла внезапно

участившееся сердцебиение за волнение. Задышающаяся женщина ударила себя в грудь, ощущая знакомую дрожь в теле: она тонула, хотя находилась на суше. Миссис Мун впилась пальцами себе в горло, пытаясь поймать глоток кислорода.

Ее дочери и муж замерли, не донеся палочки до рта, а миссис Мун поднялась с места, ухватилась за край стола и выхаркнула изо рта красную струю, угодившую в пустую тарелку.

Когда коллеги доктора Муна поставили диагноз: эмболия с летальным исходом, он покачнулся и ощутил, как земля уходит из-под ног. Все научные термины вылетели у него из головы, в которой теперь царил гулкий туман. Когда-то он увез Чунчжу с ее океанской родины, а теперь она навсегда уходила от него.

Его уха коснулся тихий плач. Доктор Мун посмотрел на дочерей, чьи слезы брызнули ему на лицо и наполнили рот теплой соленой влагой. Их руки удерживали его, точно якоря. Мужчина закрыл глаза.

Он вспомнил солнечный день на побережье Джерси, когда его маленькие дочери, шустрые, как крольчата, собирали камешки и складывали их в красные пластиковые ведерки. Чунчжа, присев на корточки, наблюдала за ними. Обращаясь к девочкам, она водила руками по песку.

— Что ты делаешь, Хана?

— Работаю.

— Ты так занята, Окчжа. Чем же это?

— Мы собираемся ловить рыбу, *омма*.

Голос у Чунчжи потеплел.

— У вас нет удочки. И сети тоже. Как же вы будете рыбачить?

Хана пожала плечами:

— Руками.

— Ты сообразительная, как *хэнё*, — улыбнулась Чунчжа.

— Кто это — *хэнё*? — прищурившись, поинтересовалась у матери Окчжа, в то время как ее старшая сестра ушла с ведром за водой.

— *Хэнё* — это нечто вроде корейских русалок с острова Чеджудо, самого красивого места в Корее. Я жила там, когда была такой же маленькой, как ты сейчас.

— Они настоящие русалки, *омма*? Или невсамделишные?

— Настоящие. Они каждый день приносят своей семье еду.

— Я хочу их увидеть!

Чунчжа погладила дочь по волосам.

— Когда подрастешь, я отвезу тебя туда. — Женщина наклонилась и прошептала: — Давным-давно, в детстве, я тоже была русалкой, но это секрет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

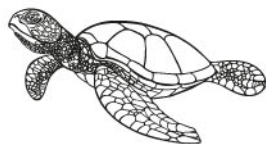
Весло ломается, но не то, что из настоящего дерева
с горы Халласан.

Снасть рвется, но не та, что из прочных веревок
с мыса Сонхоль.

Военный корабль в океане, пожалуйста, уплывай.

Плыви куда угодно, только не сюда.

*Из «Песен хэнё Чеджудо»,
записанных Музеем хэнё*

ОСТРОВ ЧЕДЖУДО. 1948 ГОД

— Чунчжа!

Чьи-то руки затрясли ее так сильно, что зубы застучали, словно камешки.

— Очнись, Чунчжа!

Если она не послушается, ее заставят выскребать раковины морских ушек и таскать к баку ведра с водой. Но девушка так устала, что сейчас хотела только спать.

— Чунчжа!

Ей отвесили крепкую пощечину.

Девушка открыла глаза — и тут же опять зажмурилась: слишком яркий свет! Изо рта у нее потоком хлынула вода. Она моргнула и стала хватать ртом воздух.

Над Чунчжой стояла мама, по коже которой, точно серебро, струилось море. Чунчжа начала отфыркиваться. Мама опустила на землю и положила голову девушки себе на колени, глядя ее по волосам.

— Ты жива, Чунчжа! — Руки у мамы были очень теплые. — Ты слишком глубоко нырнула, но морской царь вернул тебя, и ты снова на суше...

Раздался голос бабушки:

— Надо расспросить ее, что она видела, пока была там.

— Тсс... не сейчас, — возразила мама. — Не беспокой ее.

Возле уха зазвучал горячий бабушкин шепот:

— Запомни свой сон про море, Чунчжа. Когда проснешься, высохшая и согревшаяся, вспомни сны наяву, которые видела под водой...

В кулаке у Чунчжи было зажато нечто твердое и колючее, что причиняло боль. Она разжала пальцы. На окровавленной ладони лежала раковина. Девушка протянула ее матери, которая высоко подняла раковину и крикнула:

— Она ее не выпустила!

Послышались радостные возгласы и восхищенный ропот. Чунчжа огляделась. Она лежала окруженная женщинами, по которым, так же как по матери и бабушке, стекали океанские струи.

— Теперь ты настоящая *хэнё*, — прошептала мама. — Ты принадлежишь морю так же, как я, как бабушка. Ты попала к морскому царю, совсем как нищенка Симчхон, и живая вернулась назад с его подарком! — Мама разбила створки камнем и ногтями выскребла мясо моллюска. — Ешь, — велела она.

Чунчжа отвернулась. Хватит с нее моря.

Но мама поднесла солоноватую массу к ее губам и заставила проглотить. Крохотная частичка моря скользнула вниз по пищеводу и очутилась глубоко в утробе, заставив Чунчжу закашляться.

И девушка выплюнула жемчужину.

С того самого дня, когда Чунчжа чуть не утонула, ей было позволено ходить вместе с матерью и бабушкой к морю, вместо того чтобы оставаться дома и присматривать за младшим братом. Теперь этим занималась ее сестра Гончжа, которая насчитывала всего восемь лет от роду, но уже умела варить отличную пшеничную кашу.

— Я, пожалуй, и курицу смогу приготовить, — похвасталась Гончжа.

— Но ты не знаешь, как ее зарезать, ошипать и выпотрошить! — воскликнул Чжин.

— Очень скоро тебе придется самому о себе заботиться, никчемный мальчишка! — не осталась в долгу Гончжа. — Потому что я вырасту и тоже буду нырять, как *омман*, *хальман* и Чунчжа.

— Тише! — отрезала мать и, опустившись перед сыном на корточки, посмотрела ему в глаза. — Слушайся свою *нуну*. Помни: пока нас не будет, Гончжа — твоя мама. Веди себя как мужчина. Вы вдвоем должны прополоть огород и покормить кур. Когда закончите, три раза напишете алфавит.

Вон там, на земле за забором, чтобы куры не затоптали. Потом можете поиграть.

Мама встала, чтобы собрать все необходимые для работы принадлежности — кирки, ножи, серпы, пеньковые сетки и веревки, плетеные корзины, выдолбленные тыквы, куски ткани, хворост для растопки и пресную воду — и разделить их между своей старшей дочерью, матерью и собой.

Втроем с большими свертками на головах они спустились по каменистой тропинке к берегу. Предраассветное небо было чернильно-черным, но их глаза были привычны к еще более темному океану. Женщины передвигались во тьме, находя дорогу босыми ногами.

— *Айгу!* — воскликнула бабушка. — У меня слишком старые ноги, чтобы ходить по этим ужасным черным камням.

— *Айгу,* — хихикая, передразнила ее Чун-чжа, — у меня слишком молодые ноги, чтобы ходить по этим ужасным черным камням.

— Тише! — прикрикнула мама. — Вы разбудите моллюсков в их постелях.

— Расскажи, что ты помнишь из своего морского сна, — попросила бабушка, когда мама опередила их на несколько шагов, чтобы пинками убирать с тропинки большие камни.

Бабушка не одну неделю каждое утро и каждый вечер задавала этот вопрос, надеясь, что у внушки что-нибудь да всплывет в памяти.

— Я мало что припоминаю, хальман, — посетовала Чунчжа. — Помню, как опускалась все ниже. Вокруг было темно, холодно и мокро. Я не могла дышать, не могла шевельнуться. Помню, как мне подумалось: «Я уже умерла». Вместо того чтобы помочь маме, я лишь принесу ей горе. И вдруг я снова смогла двигаться. Морской царь и его прислужницы смотрели, как я снова всплываю. Я изо всех сил устремилась наверх, к свету. А когда очнулась, в кулаке у меня было зажато что-то, что, я точно знала, мне нельзя выпускать.

— У тебя осталась жемчужина, — сказала бабушка, — но ты потеряла сокровище.

Чунчжа промолчала.

— Настоящим сокровищем был твой сон о море, но морской царь заморочил тебе голову жемчужинной, чтобы ты вернулась в этот мир с драгоценностью вместо истины. — Бабушка вздохнула.

Мама выменяла эту жемчужину на большой мешок белого риса и новый серп. Чунчжа не понимала, почему ее сон ценнее жемчужины, хотя бабушка рассказывала ей о своей прапрабабушке,

которая запомнила морской сон и поделилась его богатствами со всей деревней.

— Она целую жизнь мечтала об этом морском сне. А когда выкашляла из своего тела океан, разум ее прояснился, и у нее осталась ясная картина всего, что произойдет в будущем. Она знала, когда подует тайфун, какая зима будет морозной, а какое лето — засушливым. Знала, где океанские воды кишат лакомыми тварями, а где только голые камни и песок. Когда она встретила мужчину, за которого должна была выйти замуж, то сказала ему: «Я видела тебя во сне, и ты станешь моим мужем». Было нелегко жить, зная, что случится дальше. Обычно она помалкивала об этом. Но в тот день, когда утонула ее мать, она пыталась остановить ее, умоляла не выходить из дому. Мать, более мудрая, чем ее одаренная дочь, не послушалась: даже когда знаешь, что скоро взойдет солнце или начнется прилив, помешать им ты все равно не в силах.

Чунчжа задумалась: возможно, зная час своей смерти, можно как-то отсрочить ее?

— Твоя прапрабабушка предвидела и собственную кончину? — спросила она.

— Может, и предвидела, — фыркнула бабушка, — но никогда никому не открывала эту тайну. Ее так печалило, что ей известен конец каждого

из окружавших людей, что беспокойные духи всех мастей проникли в ее разум и затуманили его. Однажды вечером она поскользнулась и ударилась головой о черные камни. И очнулась несмышленной, как двухлетнее дитя. Жителям деревни пришлось привязать ее к дереву, чтобы она не спрыгнула с обрыва. Но пока никто не видел, она ослабила путы и высвободилась. Ее выброшенное волнами тело с головой, расколовшейся как яйцо, нашли на берегу. Таким образом морской царь напомнил нам: все, что приходит из моря, обязательно туда возвращается.

На берегу пылали костры. Между ними снова-ли женщины, разжигая огонь, сматывая веревки и проверяя, нет ли трещин в выдолбленных тыквах и прорех на сетках. Несколько ныряльщиц пели песню, напоминавшую завывания ветра. Кто-то, потирая ладони, нараспев читал молитвы морскому богу. Когда начало светать, в небе появились морские птицы. Чунчжа бросила принесенный хворост в общую кучу.

— Выбери себе *тольчу*! — гаркнула староста.

Чунчжа поспешила к кромке воды, где пестрели черно-белые камни, дочиста отмытые ночными приливами. Она нашла гладкий камень размером с кабачок и показала бабушке, которая, взвесив

его в руке, одобрительно кивнула. Перед костром выстроилась первая группа ныряльщиц в предназначенных для погружения льняных одеждах; глаза их были закрыты, лица освещал пылающий огонь.

— К воде! К воде! Заходим в море!

Ныряльщицы закрепили на поясах серпы для морских водорослей и кирки для откалывания моллюсков. Поплевали в свои маски и растерли слюну по стеклу. Мать Чунчжи, надев толстые шерстяные рукавицы, помешала палкой тлеющие угли в костре и вытащила из него камни, чтобы они немного остыли на песке.

Первая группа *хэнё*, держа в руках нагретые каменные грузила, обвязанные пеньковыми веревками, стояла наготове во главе со старостой, которая должна была вести их к месту погружения.

Босые женщины ступили в воду, обхватив руками тыквы-поплавки. Каменные грузила согревали им животы. Их льняные костюмы потемнели, затем сморщились и прилипли к коже. По мере того как они проходили сквозь волны, пение становилось все тише, уступая место плеску воды и стуку сердец.

Океан жадно всасывал каждую ныряльщицу. Но женщины были готовы к битве. Они били ножами по вцеплявшимся в них пальцам морской травы. С помощью кирок откалывали прилипшие

к подводным скалам раковины. Они трудились в океане, напевая про себя песни своих прапраматерей, которые осваивали пучину до них.

Ты должна выбраться из океана, пока у тебя не онемели пальцы и губы. Хватай добычу и устремляйся обратно, к свету. Когда твоя голова покажется на поверхности, выпусти со свистящим стоном воздух, который ты задерживала в груди.

Прислонись щекой к выдолбленной тыкве, что покачивается на воде и мечтает о земной тверди, на которой она когда-то покоилась. Положи раковину в сетку и поблагодари морского царя за подарок. Закрой глаза и представь, что солнечный жар проникает вглубь тебя.

Сделай еще один глоток сверкающего воздуха.

И снова ныряй в пучину.

Мама на глазах у завистливо наблюдавшей за ней Чунчжи опустила в большой деревянный короб увесистый ком мокрых водорослей. Сверху положила притаившиеся в своих раковинах морские ушки и накрыла их другим комом водорослей. Затем, вылив сверху ковш морской воды, плотно закрыла крышку. Чунчжа крепко держала заплечную раму, пока мама привязывала к ней короб.

Раз в год, отправляясь на гору Халласан, мать надевала носки и плетеные соломенные сандалии, которые ни разу не чинили. На ней была еще не успевшая вылинять ярко-оранжевая накрахмаленная блуза с пятью деревянными пуговицами вместо обычных завязок. В узле волос на затылке поблескивала серебряная заколка, позаимствованная у бабушки. В неярком свете заходящей луны мама могла бы сойти за двойника своей дочери.

Чунчжа глубоко вздохнула и сделала новую попытку:

— Пожалуйста, *омман*! Ты же обещала, что в этом году пойду я!

С тех пор как мама объявила о своем намерении принести с Халласана поросенка, Чунчжа стала проситься на гору вместо нее. Она говорила шепотом, потому что в доме все спали, но куры открыли глаза и уставились на нее.

— Отпусти меня, пожалуйста! Клянусь, со мной все будет в порядке.

Чунчжа, еще не отваживавшаяся в одиночку удаляться от своей деревни больше чем на два часа пути, до сих пор не бывала на священной горе и видела ее только издалека.

Мама взвесила заплечный короб в руках, кончиками пальцев ощупывая надежность всех узлов. Вес короба напомнил ей о том, что придет день — и она уже не сможет совершать такие восхождения. Когда это время настанет, она будет встречаться со своей подругой, женой свиновода, лишь в городе, на рынке. Женщина примечала в глазах Чунчжи ту же неутомимость, которая в юности была присуща и ей самой.

Чунчжа заметила, как мать сжала губы. Девушке уже исполнилось восемнадцать, а она еще не засвидетельствовала свое почтение богу горы. Вполне понятное упущение, учитывая, что на острове полным-полно чужаков. Нынче невозможно выбраться в город, не увидев по пути по меньшей мере полдюжины повозок. А моторы